

Лидия Ильинична Божович

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЛИЧНОСТИ
(1908—1981)

Эти заметки о Лидии Ильиничне Божович известном отечественном психологе, специалисте по возрастной психологии и психологии личности, чья монография «Личность и ее формирование в детском возрасте», вышедшая в 1968 г., до сих пор остается лучшим отечественным исследованием в этой области.

Авторы работали вместе с Л.И. Божович в 70-е гг., в последнее десятилетие ее творческой жизни, в качестве сотрудников ее лаборатории — Лаборатории психологии личности в Институте психологии АПН РСФСР (ныне Психологический институт РАО, что на Моховой), которую она бессменно возглавляла 30 лет (1946—1976).

Вклад Л.И. Божович в развитие отечественной психологии личности — это не только написанные ею и ее сотрудниками тексты, но и сам феномен ее личности, оказавший глубокое влияние на всех, кому довелось с ней работать, общаться.

Лидия Ильинична родилась в Курске, но практически всю свою жизнь провела в Москве и, безусловно, является ярким представителем московской психологической школы.

Первое упоминание о московском периоде жизни Л.И. Божович принадлежит ее верному другу и коллеге Лие Соломоновне Славиной: «Тогда мы поступали во 2-й МГУ. Еще на вступительных экзаменах я увидела девушку, которая мне очень понравилась, и я узнала, что она не москвичка и ей негде жить. Я пришла домой

и спросила у мамы: «Можно она будет жить у нас?» С тех пор мы не расставались».

Именно во 2-м МГУ (теперь — Московский педагогический государственный университет) произошла историческая встреча Л.И. Божович с великим отечественным психологом Л.С. Выготским, который там преподавал. Эта встреча определила всю ее дальнейшую научную, а во многом и жизненную судьбу. Студенткой 2-го Московского государственного университета она слушала лекции Л.С. Выготского вместе с известными психологами — А.В. Запорожцем, Р.Е. Левиной, Н.Г. Морозовой и Л.С. Славиной (которые в дальнейшем вошли в московский научно-психологический сленг как «пятерка»), — работала в его семинаре, выполняла под его руководством дипломную работу по подражанию.

Недолгие годы совместной работы с Л.С. Выготским (как известно, он умер в 1934 г.) вспоминались ею на протяжении всей жизни. Поэтому мы, сотрудники лаборатории Лидии Ильиничны, неоднократно слышали какие-то шутки той поры, стихи, письма Л.С. Выготского, фрагменты из рукописных конспектов его лекций, зарисовки их повседневной жизни, эпиграммы, например, такую: «Тройка да пятерка — вот и вся восьмерка». Пятерку мы перечислили выше, а тройка — это психологи с мировыми именами: сам Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия.

Мы застали обсуждение лаборатории на Бюро отделения Академии педагогических

наук. Л.И. Божович сделала доклад, а оппонентом выступал А.Р. Лурия. Он начал лирически: «Помню, поехали мы в Серебряный Бор. Взяли две лодки. Я сел с Лилей (имеется в виду Л.С. Славина), Леша (имеется в виду А.Н. Леонтьев) — с Лидой (имеется в виду Л.И. Божович). Мы поплыли и заспорили о культурно-исторической концепции...»

И еще одно воспоминание Л.С. Славиной: «Мы всегда вместе готовились к экзаменам: Лида, я, Наташа, Роза и Саша (члены все той же «пятерки»). Мы были довольно прилежными ученицами, а Саша, бывало, ляжет на диван и, закрыв глаза, скажет: «Девочки, прочтите мне что-нибудь из психологии». Мы читали, а он вроде бы и спал, но потом все сдавал на «пятерки». «Саша» — это Александр Владимирович Запорожец, ставший впоследствии одним из крупнейших детских психологов, основателем и директором уникального, известного не только в Москве и Союзе, но и во всем мире Института дошкольного воспитания АПН СССР.

Таких теплых, полных юмора воспоминаний мы слышали очень много. Одновременно это не были воспоминания ради воспоминаний, они всегда включались в обсуждение животрепещущих проблем, как научных, так и житейских. Нам, молодым сотрудникам, подобные разговоры давали уникальную возможность не только узнать, но и почувствовать, как рождались и развивались идеи. Все это переплеталось с жизнью конкретных людей и в конечном итоге — с жизнью города и всей страны. Известно, что за верность идеям Л.С. Выготского перед войной Лидию Ильиничну выгнали из Института психологии. Тогдашний директор (кажется, его фамилия была Григорьев) кинул ей в лицо план годовой работы и крикнул: «Этот план пахнет Выготским». На что Лидия Ильинична ответила: «Вы понятия не имеете, как пахнет Выготский», забрала план и ушла практически в никуда. Всю жизнь она не только не жалела, но даже гордилась этим.

Известно также, что в предвоенную волну сталинских репрессий Лидию Ильиничну, оторвав от маленького сына (они как раз наряжали елку к Новому году), вызвали на Лубянку, где вначале ласково, в чистом и чинном кабинете на одном из наземных этажей, а потом грубо, уже в темном подвале склоняли написать донос на коллег-психологов, и что, несмотря на реальность угрозы никогда больше не увидеть сына, она этого не сделала.

Л.И. Божович подчеркивала, что личность характеризует активная, а не реактивная форма поведения, устойчивость и внутренняя свобода. Самое главное свойство человека как личности — иметь собственные идеалы и убеждения. Такой взгляд на личность противостоит не только откровенным идеям конформного подчинения, но и завуалированным формам подобных идей, в частности, столь модным как тогда, так и сейчас теориям адаптации и социализации.

Лидия Ильинична Божович создала собственную, оригинальную концепцию личности, базирующуюся на культурно-исторической теории Л.С. Выготского. Основу ее концепции составляют представления об активности и свободе личности, об активной, а не «реактивной» форме ее поведения». Мы позволим себе полностью привести определение личности из монографии «Личность и ее формирование в детском возрасте», предложив медленно вчитаться в него. «Личностью, — пишет Л.И. Божович, — следует называть человека, достигшего определенного уровня психического развития. Этот уровень характеризуется тем, что в процессе самопознания человек начинает воспринимать и переживать самого себя как единое целое, отличное от других людей и выражающееся в понятии «я». Такой уровень психического развития характеризуется также наличием у человека собственных взглядов и отношений, собственных моральных требований и оценок, делающих его относительно устойчивым и независимым от чуждых его собственным убеждениям воздейст-

вий среды. Необходимой характеристикой личности является ее активность. Человек на этом уровне своего развития способен сознательно воздействовать на окружающую действительность, изменять ее в своих целях, а также изменять в своих целях самого себя. Иначе говоря, человек, являющийся личностью, обладает, с нашей точки зрения, таким уровнем психического развития, который делает его способным управлять своим поведением и деятельностью, а в известной мере и своим психическим развитием. Мы считали также, что у человека, достигшего того уровня развития, когда его можно назвать личностью, все психические процессы и функции, все качества и свойства приобретают определенную структуру. Центром этой структуры является мотивационная сфера, в которой имеются устойчиво доминирующие мотивы, определяющие иерархическое строение этой сферы»¹.

С нашей точки зрения, подобное понимание личности — не только результат научных исследований, но и выражение общекультурного, мировоззренческого взгляда Л.И. Божович на человека. Причем потенциал ее теории личности, по нашему глубокому убеждению, не исчерпан. Обладавшая не только глубокими знаниями, но и богатейшей научной интуицией, Лидия Ильинична предложила ряд идей, которые ждут своих исследователей.

Сама она, безусловно, являлась личностью, отвечающей всем тем критериям, которые выдвинула, и в полном соответствии с ее теорией, свободной как от обстоятельств, так и от своих собственных привычек. Например, она была заядлой курильщицей, курила с юных лет очень крепкие папиросы и помногу. Но когда ее мужу по состоянию здоровья надо было отказаться от курения, она бросила курить вместе с ним в один день и никогда больше не выкурила ни одной папиросы.

Из всего сказанного может сложиться впечатление о Лидии Ильиничне как о какой-то «железной леди». На самом деле она была бесконечно обаятельной, женственной и в высшей степени естественной. Одна из подруг ее юности, московская учительница Татьяна Николаевна Фиделли, вспоминает, что, когда Лидия Ильинична появлялась в компании, внимание всех присутствующих мгновенно переключалось на нее, неизменно поражавшую всех своей красотой, остроумием, легкостью. Все эти качества она сохранила до последних дней своей жизни. Ее острые, а порой даже весьма соленные шутки иной раз могли повергнуть в смущение юного аспиранта.

Она любила красивую одежду, но и в самом простом платье выглядела королевой. Известна история, когда, вернувшись в послевоенную Москву из эвакуации, она ходила по городу в роскошном, вызывавшем зависть наряде, который был сделан ею самой из окрашенной марганцовкой ночной рубашки.

Лидия Ильинична не была «кабинетным ученым». Она неоднократно повторяла фразу: «Психология — наука конкретная». Поэтому, хотя ее мировоззрение и представления о личности, по существу, противоречили тем, которые культивировались тоталитарным обществом (что делало для нее невозможным вступление в коммунистическую партию), она занимала не крайнюю диссидентскую позицию противостояния обществу, а позицию всеобщего содействия улучшению, гуманизации этого общества. Проводимые в ее лаборатории экспериментальные исследования, будучи чрезвычайно скрупулезными и четкими по своему построению, обычно выходили на широкую социальную практику, помогая в работе с воспитанниками суворовских училищ, школ-интернатов, школ для трудных подростков и др. Лидию Ильиничну интересовали живые реалии тогдашней школы — в период

¹ Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968. С. 3—4.

Вид на Театральную площадь
с Большого театра. 1932 г.

Здание МХАТа

хрущевской «оттепели» она совместно с ленинградским ученым, доктором педагогических наук Т.Е. Конниковой пыталась по-новому взглянуть на проблемы пионерской организации, воспитания коллективизма, внося в них гуманистическое содержание.

Но и сам коллективизм понимался и изучался Л.И. Божович не по принятой тогда формуле — «в коллективе, во имя коллектива и ради коллектива», а «в коллективе, но ради личности». По существу, коллективизм являлся для нее синонимом альтруизма, проявлением доброты, сочувствия, сопереживания (именно в лаборатории Лидии Ильиничны в обиход отечественной психологии было введен как сам феномен, так и термин «эмпатия»). Идеи манипулирования ребенком даже во имя самых благородных целей были глубоко чужды школе Л.И. Божович. Лидия Ильинична выступила с резкой критикой книги В.Т. Лихачева «Теория коммунистического воспитания», где ребенок выступал именно как объект изощренных психолого-педагогических манипуляций, включающих и воздействие на его подсознание. Отметим, что эта «несвоевременная» рецензия так и не была опубликована.

Л.И. Божович была по-настоящему страстным исследователем: проблемы, которыми она занималась, интересовали ее неформально. Но при этом она не стала узким специалистом. Она была гуманитарно мыслящим, широко образованным человеком (не можем не написать, что одним из любимых видов отдыха было для нее чтение романов на французском языке). Культурная жизнь Москвы того времени была ее жизнью — она практически не пропускала премьер в Доме кино, в московских театрах, была в курсе всех книжных новинок. В 70-е гг., когда мы работали вместе, наш рабочий день довольно часто начинался с обсуждения последних публикаций в толстых журналах, содержание которых оказывалось тесно связанным с тем, что составляло предмет научных исследований лаборатории.

Именно поэтому созданная Л.И. Божович концепция личности выходит за рамки сугубо научной, является общекультурным феноменом, сближающимся как с традициями дореволюционной русской психологии и философии, так и с основными западными философскими и психологическими течениями того времени (гуманистическая психология, экзистенциализм и др.). Мы хорошо помним, например, проходившее в лаборатории обсуждение поведения человека в ситуации предельного выбора после просмотра фильма З. Фабри «Пятая печать» или книги В. Быкова «Сотников».

Проблема предельного выбора имела для нее не абстрактный, а выстраданный жизнью смысл. Как-то один человек не без внутренней гордости говорил в лаборатории о том, что он не продается. «А вас покупали?» — спросила Лидия Ильинична.

Отсюда не только научный, но и личный интерес Л.И. Божович (что, повторим, для нее

На сцене Большого театра

Москва военная. 1941 г.

было неразделимо) к проблеме нравственности, анализу действий человека в ситуации предельного выбора, когда от принятого решения может зависеть жизнь или смерть. Она часто обсуждала проблемы конфликта сознания и бессознательного: при каких условиях сознательно принятое намерение оказывается сильнее жизненных потребностей и, напротив, когда непосредственно нравственное чувство имеет большую побудительную силу, чем сознательно принятое и глубоко обдуманное решение. Лидия Ильинична часто ссыалась на одного из героев «Истории моего современника» В.Г. Короленко, который говорил: «Знаю, надо бы украсть, но про себя лично скажу, не смог бы, рука бы не поднялась». Сюда же Лидия Ильинична относила и драму

Раскольников, который, по ее словам, не вынес преступления, совершенного им по сознательно принятому намерению, но противоречащего его непосредственным нравственным побуждениям.

Спустя несколько лет после выхода основной своей монографии «Личность и ее формирование в детском возрасте» Лидия Ильинична получила письмо от известного литературоведа и критика Юрия Корякина, с которым она не была знакома, и вместе с письмом только что вышедшую его книгу «Самообман Раскольникова». В письме Корякин выражал свое восхищение работой Лидии Ильиничны и писал, что, к сожалению, слишком поздно познакомился с ее книгой, в которой он нашел научное выражение собственных идей о лич-

«Воздушная тревога».
Художник В. Богаткин. 1949 г.

ности, о борьбе мотивов, о роли идеалов и нравственности в жизни человека.

Следует особо подчеркнуть научный контекст, в котором формировалась концепция Л.И. Божович. В то время в изучении личности в отечественной психологии господствовал, с одной стороны, «вивиксекционный подход» (по выражению Лидии Ильиничны), т. е. изучение отдельных сторон, характеристик личности вне связи с ее целостной структурой, а с другой — схоластические системно-структурные представления, в соответствии с которыми личность являла собой разной степени сложности комбинации систем и подсистем, уровней и подуровней, структур и подструктур. К тому же личность, в соответствии с

генеральными общефилософскими и идеологическими концепциями того времени, была прежде всего «человек как носитель сознания». Поэтому целостный подход к личности, понимание ее структуры как развивающейся, динамической, обращение к мотивации, в том числе неосознанной, бессознательной, проработка всех этих идей не только на теоретическом, но и на экспериментальном уровне были своего рода прорывом.

За 30 лет руководства лабораторией сотрудниками Лидии Ильиничны выполнено большое число работ — это и исследования качеств личности и их формирования, и работы по проблемам мотивации: широкомасштабные исследования, связанные с мотивами учения

советских школьников, доминированием мотивов и направленности личности. Новаторским было изучение самосознания и самооценки, аффекта неадекватности и эмпатии, конформизма и устойчивости личности. Особое значение Лидия Ильинична придавала исследованию идеалов, высших чувств, произвольности, воли и др.

Позиция Л.И. Божович далеко не всеми принималась и разделялась. Очень резкой критике подвергалась сама идея экспериментального изучения личности, оценивавшаяся как уступка буржуазным влияниям. Тогдашний зам. директора института В.А. Крутецкий прямо сказал по этому поводу на одном из ученых советов: «Я не позволю ставить советским детям зарубежные градусники».

Современному читателю, особенно молодому, требуется определенная работа воображения, чтобы представить обстановку, в которой на протяжении всей жизни работала Лидия Ильинична, да еще в такой идеологизированной области, как психология личности и воспитания. Все идеологические установки, вся нетерпимость тоталитарного государства к «чуждым» влияниям воплощались в этой области с наибольшей силой. Сейчас даже трудно вообразить, какой смелостью было включение (не как объект для критики, а как работающие, живые, эвристичные ходы) в экспериментальные исследования, в научные тексты идей таких психологов, как З. Фрейд, К. Роджерс, К. Хорни и др.

Ей же казалось нормальным, что исследования могут вдохновляться разными теоретическими и методическими идеями, исходно питаться из разных источников. Так, например, несомненно влияние школы К. Левина на саму культуру экспериментирования лаборатории. Работы по устойчивости личности имели два источника. С одной стороны, это был совместный проект с американским психологом Ю. Бронфенбреннером, в котором использовался предложенный им метод сравнительного изучения податливости детей влиянию

взрослых и сверстников при решении моральных коллизий (Лидия Ильинична, кстати, внесла в этот проект возрастной подход, что позволило дать совершенно новую, неожиданную трактовку всем полученным данным и существенно изменить его содержание). С другой — это некоторые американские работы по конформизму. В работе аспиранта Л.И. Божович Я.Л. Коломинского впервые в отечественной психологии были проведены впоследствии широко распространившиеся социометрические исследования с использованием методики Дж. Л. Морено.

Но сколь бы разнообразными ни были по материалу, методам исследования и даже по некоторым теоретическим стартовым основаниям все эти работы, они никогда не были простым заимствованием и повторением. Это не было и погоней за модой. Хороший экспериментальный прием брался как способ для проверки, разработки идей, имевших свою собственную логику развития. И каждое такое частичное эмпирическое исследование всегда было шагом к созданию своей собственной теории личности.

Тогда многим казалось необоснованным ее особое внимание к мотивации, к проблемам сознательных и бессознательных влечений, что напрямую связывалось с фрейдизмом. Вспомним в этой связи один из ученых советов института. Обсуждался доклад Л.И. Божович о мотивах. Когда бывшее весьма бурным заседание закончилось и все собрались выйти, обнаружилось, что заклинило дверь. Директор института А.А. Смирнов (вообще говоря, поддерживавший Лидию Ильиничну) ехидно заметил: «Вы говорите о значении мотива, а вот попробуйте мотивом открыть дверь». Лидия Ильинична со свойственным ей искрометным юмором мгновенно парировала: «Мотив сам по себе ничто, он требует для своей реализации адекватных форм поведения. Только тогда формируется качество личности. А умение без ключа открыть запертую дверь — это проявление именно качества личности».

Ли́дия Ильи́нична люби́ла Москву. Она защи́щала свой город во время Великой Оте́чественной войны — гасила на крышах фугасные бомбы, живя в разных ее районах. Последни́й ее дом — комна́та в коммуна́льной кварти́ре на Преобра́женке — небольшо́я, очень скромно обста́вленная, с атмосфе́рой москво́ского гостеприимства: непре́менными чаепи́тиями, неспешными разгово́рами, домашними пти́цами и животно́ми — пою́щим кена́рем, хомя́ками, ко́шками и с неповтори́мым бо́жовическим уме́нием видеть живу́ю психологи́ю во всем. Мы помни́м самую́ последнюю́ встре́чу с Л.И. Бо́жович, незадо́лго до ее кончи́ны. Как все́гда, сидели́ за круглы́м сто́лом и пили́ чай. Насы́пая саха́р в ча́шку, Ли́дия Ильи́нична сказа́ла: «Вот се́йчас я наблюда́ю на себе́, как происхо́дит распа́д высших психиче́ских

фунќций. Это́ очень интере́сно. Я ча́сто не могу́ увиде́ть на сто́ле, ска́жем, саха́рницу. И не пото́му, что тако́е уж плохое́ у меня́ се́йчас зре́ние. Наруше́на апперце́пция. Но я могу́ эту́ саха́рницу́ созна́тельно́ восстано́вить: вспо́минаю́, как она́ выгляди́т, како́го разме́ра, где́ приме́рно мо́жет нахо́диться, — и нахо́жу-таки́ ее́ на сто́ле».

Ли́дия Ильи́нична похоро́нена в кремато́рии́ ря́дом с До́нским мо́настырем. А́ в са́мом це́нтре Москвы́, в институ́те на Мо́ховой, где́ она́ прора́ботала́ всю́ жизнь, в той же са́мой комна́те продо́лжает существо́вать основа́нная́ ею́ лабора́тория, на стене́ кото́рой висит́ ее́ портре́т.

*А.М. Прихо́жан,
Н.Н. Толсты́х*